

Льюис Кэрролл

Переводчица: Ирина Явчуновская-Рапопорт

Сказка о поросенке
из «Сильви и Бруно»

Птенцы едят пирожные,
Обедают вальяжно.
И прячут их лакеи
От любопытных глаз.
Лакеи ходят важно,
В руках сверкают ножики,
Их гетры и ливреи
Попали в мой рассказ.

Намазывают птенчики
Вареньице на истины,
И окорок под рюмку
В монастыре жуют.
А я и есть угрюмый
Монастырь тенистый.
Там славно пахнет жареным,
И призраки снуют.

И обучают птенчики
Тигриц улыбкам милым.
Немножечко лукавства,
А губки в виде дуг.
– Не корчиться – смеяться!
Но только в нужном стиле:
В глазах сама невинность,
Наш ротик – полукруг.
И засыпают птенчики...
Но спят, как на иголках,
Лишь стоит неудачнику
Победу одержать.
Лишь стоит неудачнику
С усмешкой свистнуть громко,
Я, Ваш слуга покорный,
Рассказ смогу начать.

Жил-был несчастный поросенок
У дикого пруда.
Он издавал такие стоны,

Что пень, и тот рыдал.
А в чем причина этих криков?
В чем горестный удел?
Да просто не умел он прыгать.
Он прыгать не умел.

Верблюд, что был горбат изрядно
Решил задать вопрос:
– Вам больно, или же досадно?
В чем суть обильных слез?
Копытами с трудом подвигав,
Не в силах скрыть тоску,
Наш поросенок взвизгнул:
– Прыгать! Я прыгать не могу!

И, глянув на беднягу томно,
Верблюд ответил так:
– Да-а! Вы, дружище, слишком полный.
Неоспоримый факт.
Такую жирную скотину
Я в жизни не видал.
Прыжки, мой друг, не для свинины,
Для тех, кто весом мал.

Но есть, пожалуй, вероятность.
Вот, если год подряд
Рысцою бегать многократно,
Возможен результат...
И прыгнете вы в перспективе,
Лет, эдак, через шесть...
Упорствуйте в своем порыве!
Надежда все же есть.

И вновь несчастный поросенок
У старого пруда
Остался страшно огорченный,
Убитый, как всегда.
Свою щетину рвал он в клочья,
Копытами стучал,
– Хочу я прыгать, очень-очень! –
Он жалобно кричал.

Одна из жаб, что за пригорком
Сидела до сих пор,

Пруд оглядевши глазом зорким,
Вскочила на бугор.
– О, поросенок, в чем сомненья?
Чем вызван этот стон?
– Тем, что я прыгать не умею. –
Вздыхнул печально он.

С победоносною ухмылкой,
Грудь лапкой теребя,
Сказала жаба: – Ах, мой милый!
Я научу тебя.
Прошу я мизерную цену.
Ты сделаешь прыжок!
Приступим сразу, непременно.
Готов начать урок?
Ты будешь падать, спотыкаться.
От жгучих ран рыдать.
Но продолжать тренироваться,
И веру не терять.
Учиться будем постепенно,
Мы с малого начнем.
И футов, скажем, в десять стену
Со временем возьмем.

– О, жаба, милая, поверьте,
Надежды слабый свет
Вы заронили в моем сердце.
Назад дороги нет.
Пусть улыбнется мне удача.
И заверяю Вас,
Назначьте цену, счет оплачен
Мной будет в сей же час.

– Ах, я прошу довольно мало:
Баранины кусок,
И чтоб я гордо созерцала,
С вершины бугорок,
И этот пруд пьянящий, сонный
В придачу попрошу.
Ну а теперь, мой поросенок,
Готовимся к прыжку.

И поросенок, что есть силы,
Присел... толчок, рывок...

И... плюхнулся, уткнувшись рылом
В шершавый бугорок.
И он лежал в траве зеленой,
Как порванный мешок.
Был слышен хруст костей – не стоны.
Фатальным стал прыжок.

Пишут наши птенчики
Книжки интересные,
И повар их читает
Тогда, когда он сыт.
Читать - не переваривать!
Ведь, буквы, как известно,
Когда слегка поджарены,
Утрачивают вид.

Играют наши птенчики
На дудочках изящных
Для зевак, храпящих
На пляжах в ранний час.
И говорят зеваки:
– Прелестно! Потрясающе!
Скорей ловите ПЕННИчки!
Скорей оставьте нас.

Любят наши птенчики
Крокодилов в соусе.
В мечтаньях кратких, радужных,
Съедают сей обед.
Под соусом, иль голый он,
А не таков, как кажется,
Тот крокодил, что голоден.
Уж так устроен свет.

Верблюд пришел, под вечер сонный,
И с грустью проронил:
– О! Сердце! Кости! Поросяенок!
Как бледен ты! Как мил!
Но я предупреждал, однако,
Не трать напрасно сил!
Не все – упорство и отвага.
Здесь нужен легкий стиль.
А наш несчастный поросенок,
Как каменный мешок,

Лежал среди травы зеленой,
Был тих и одинок.
Не рвал свою щетину в клочья,
Копытом не стучал.
– Хочу я прыгать очень-очень! –
Он больше не кричал.

И жаба мрачная, как туча,
В печали и тоске,
– Ах, до чего я невезуча, –
Вздыхала вдалеке.
– Теперь мне не видать награды,
Я не взойду наверх.
Ни бугорок, ни пруд прохладный
Не получу вовек.

Маленькие птенчики
Баронов кормят плюшками.
Стрелять они обучены,
Обучены плясать.
И так, забавы ради,
Зимой под грохот пушечный
Разрезают семгу
И ложатся спать.

Маленькие птенчики
Прячут преступления
В саквояжи бедные,
И на кутежах
Пьют благословенные,
А друзья их съедены.
Пьют благословенные,
Пьют, но и дрожат.

Маленькие птенчики –
В почестях и золоте.
Звонит, однако, колокол,
Вот и пробил час.
И бледнеют птенчики,
Морщатся от холода...
А ваш слуга покорный
Завершил рассказ.